

Труды и дни академика Покровского

Николай Николаевич Покровский, академик, заместитель директора по научной работе Института истории СО РАН, заведующий сектором археографии и источниковедения, автор многочисленных публикаций, основатель археографической школы, наставник многих учеников, блестящий лектор и совершенно удивительный человек, недавно отметил своё 80-летие. В связи с торжественной датой он согласился встретиться с представителями СМИ в секторе, показать редкие книги и рукописи и рассказать о них.

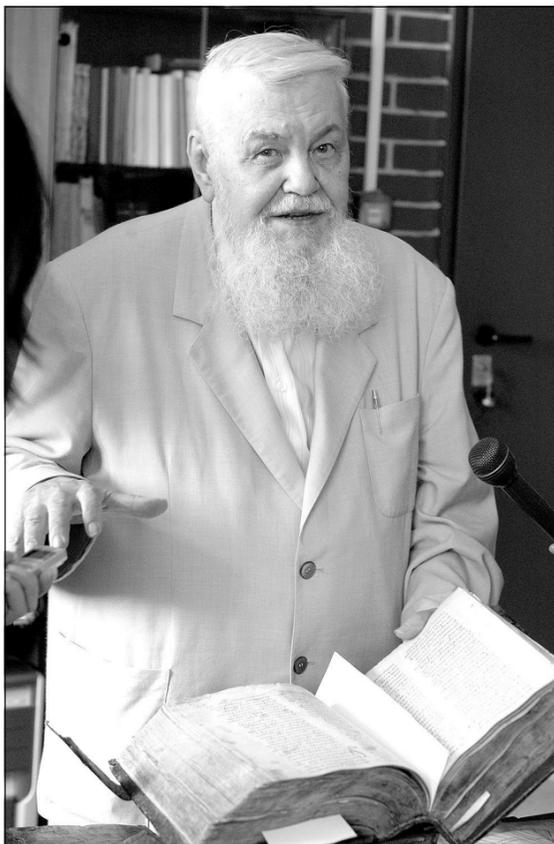
Когда мы учились в университете, профессор Покровский, тогда ещё не академик, казался нам древним и почтенным. А ведь в 1977 г., когда мы были на первом курсе, ему было всего 47 лет. Думаю, наше восприятие Николая Николаевича как умудрённого старца основывалось не только на том, что семнадцатилетний человек воспринимает возраст за сорок как величину запредельную, и не на том, что Покровский всегда, сколько мы его помним, был, подобно старообрядцу, всегда при бороде, а на том, что он, будучи лектором блистательным, харизматическим, поражающей глубиной своей эрудиции, за которой явственно чувствовалась глубина личного погружения в материал. А такая «подводная часть айсберга» может быть только у людей старых и мудрых. К счастью, возраст учёного измеряется не годами, а количеством и качеством проделанной работы. Естественно, без феноменальной работоспособности, помноженной на любовь к своему делу, человеку невозможно сделать столько, сколько успел и успевае Николай Николаевич.

Журналисты собрались в секторе археографии и источниковедения вокруг столов, на которых были заранее разложены рукописные и старопечатные книги с деревянными «крышками», обтянутыми кожей, а одна из них, Евангелие XVI в., — в переплёте и серебряном окладе XVII в. Николай Николаевич, конечно, немного постарел, но всё так же светится улыбкой, прикасаясь к книгам, а когда начинает говорить, рассказывает по-прежнему вдохновенно, легко, время от времени как-то очень хитро заглядывая в глаза слушателям.

— Сибирь богата древностями, в том числе и археографическими, — начинает Николай Николаевич свой рассказ. — Долгое время считалось, что освоение территории здесь сравнительно позднее, крестьянам приходилось ехать за многие сотни и даже тысячи километров, и вряд ли они брали с собой в такую дорогу книги, а не зерно и какие-то более ценные вещи. Но, тем не менее, мой учитель ак. Н.М. Тихомиров рискнул: в конце 50-х гг. отправил две экспедиции своих учеников в Забайкалье и на Дальний Восток, и урожай был неожиданно хорош. Оказалось, во-первых, что искать в Сибири древние книги можно и нужно, и во-вторых, что здесь есть своя специфика. Древние книги ищут прежде всего у старообрядцев, а также в государственных хранилищах, сотрудники которых не всегда понимают, что у них хранится, поскольку специалистов соответствующего профиля там нет. Старообрядческая специфика — это весьма традиционные, во многом не разрушенные сталинскими и хрущёвскими репрессиями общины. Это явление требовало особого подхода. М.Н. Тихомиров в 1962 г. читал лекции в нашем университете, я же в то время пребывал ещё в мордовских концлагерях. Когда я вновь стал доступным для науки, то узнал, что Михаил Николаевич в ходе своих посещений Академгородка принял решение именно сюда передать своё уникальное собрание русских рукописных и старопечатных книг, подобного которому у нас не было и нет среди частных коллекций (одних только древних рукописей в нём более 700, начиная с XIV в.). В один прекрасный день в доме на Котельнической набережной я показывал эту коллекцию руководителям Сибирского отделения академиком М.А. Лаврентьеву и А.Л. Яншину, после чего было решено: во-первых, в ближайшее время эти книги переезжают в Новосибирск (они одно время хранились в здании Президиума, пока не была достроена ГПНТБ), и во-вторых, Президиум Сибирского отделения открывает археографические экспедиции по Сибири — ну, и меня берут в качестве придатка к ним. Так я уехал из обетованной для историка земли Владимиро-Суздальской, где проработал полтора года, и с того времени, с середины 60-х гг., начались наши экспедиции — силами нашего института, ГПНТБ и НГУ. Последнее было особенно важно, так как охватить такой огромный район силами нескольких учёных, которые приехали сюда, было невозможно. Кроме меня, здесь была Е.К. Ромодановская, ныне член-корр. РАН, Е.И. Дергачёва-Скоп, сейчас д.и.н., Владимир Николаевич Алексеев, ныне к.и.н. — вот они и отравились в первую экспедицию в 1965 г. Я же с моей супругой Зоей Васильевной Бородиной поехал во вторую в 1966 г. (для меня она была первой), в горы юга Западной Сибири (Николай Николаевич, обозначая места экспедиций, называет районы максимально расплывчато, как принято у археографов, чтобы не привлечь к своим информантам внимания «толп любопытствующих бездельников» в лучшем случае и криминальных элементов — в худшем — О.С.). Район был с археографической точки зрения вроде бы безнадёжным, но нам удалось найти там староверов, выйти на интересные скиты, и тем самым мы положили начало полевой работе, охватившей огромный регион: от Зауралья до Дальнего Востока, от приполярных низовьев Енисея до границ с Киргизией, с Китаем. В результате около двух тысяч книг хранится у нас, ещё примерно столько же в ГПНТБ.

Николай Николаевич показывает собравшимся самую старинную рукописную книгу из собрания сектора археографии и источниковедения, найденную, «близ одного из скитов — центров старообрядческой колонизации и собственного книжного искусства» — Торжественник сер. XV в., где, кроме многих известных текстов византийских отцов церкви, есть и несколько подборок сочинений русского писателя, епископа Кирилла Туровского, жившего в XII в. Список его произведений, представленный в этой рукописи — один из древнейших. Кто-то живо интересуется, какими путями сборник попал в руки археографов. Ласково улыбаясь, Николай Николаевич говорит:

— Дорогие друзья, на эти вопросы мы не отвечаем. Есть своя техника, свои приёмы. Но ничего противозакон-

ного, всё по доброму согласию. У каждого археографического центра, в частности, есть обменный фонд, это один из главных способов получения новых книг. И потом у староверов, которые хранили эти книги с опасностью для жизни веками, подчас бывали совсем иного склада потмки, готовые избавиться от всего этого.

И далее следует душераздирающая история о том, как группа московских археографов несколько лет шла по следу одной весьма крупной коллекции. Дом, где хранилось искомое книжное собрание, купила одна старая женщина, которая потом рассказывала учёным, что книгами хлев был набит доверху, «и целую неделю я их жгла, чтобы корову наконец в хлев поставить».

— Каждый археограф знает такие истории, — заключил Николай Николаевич и продолжил свой рассказ о книгах. — Вот эта книга писалась, судя по водяным знакам, когда Ивану Грозному было несколько лет. Она украшена вот такими великолепными заставками нововизантийского орнамента — одни на листике сусального золота, другие — на творённом золоте, когда золото растирали на яичном желтке. Три года мы эту книгу добывали и наконец она пришла к нам. Дали, кстати, её не мне, а одному студенту НГУ, который тогда меня сопровождал.

Видели мы и московский сборник, найденный археографами в Сибири. В нём есть, например, житие Василия Блаженного (известного большинству соотечественников благодарю собору на Красной площади) и рассказ о Московском пожаре 1547 года, когда сгорела значительная часть Москвы и погибло множество людей, а в начале года, в январе, митрополит Макарий короновал Ивана Грозного на царство. Любовались мы и музыкальной рукописью XIX в. с великолепным гуслицким орнаментом. Рассматривали «лица», то есть иллюстрации, в Апокалипсисе XVIII в. Большое оживление среди присутствующих вызвала «весёлая книга» — рукописная «Христианская топография» Космы Индикоплова, одно из самых распространённых псевдогеографических сочинений в Средние века. Представил себе изображение «града Венеция» на острове, а в море вокруг плавают «животные морские»: неведомая тварь, обозначенная иллюстратором как «фука», четвероногое копытное, называемое, если верить подписи, «дельфин», и ещё какое-то драконоподобное существо по имени «хелон». На другом листе в сцене охоты на бобра последний предстал в виде рыжей собачки, далее изображался «ноздорог», смутно напоминающий мастодонта, а на следующей иллюстрации глазам нашим предстала, по видимому, мечта наших предков об успехах в генной инженерии — животное «телчелон» (т.е. помесь коровы и слона).

— Мне эту книгу подарила игуменья Афанасия в поморском ските на речке Убе, отдала без отдарочка, но я ей тогда привозил приветы от очень авторитетных людей, в том числе из Москвы и из Риги, где были старообрядческие центры, — пояснил Николай Николаевич.

Показали нам и образец деловой письменности: столбец с донесением из Енисейска казака Ивана Перфильева, принадлежавшего к известной семье землепроходцев. Перфильев отправил с казённым вином из Красноярска в Енисейск, так как казна должна была обеспечить своим служивым хлеб, соль и вино (оно нужно было для того, чтобы в праздники выпить чару за здоровье государеву). Из Крас-

ноярска было вывезено сто вёдер вина, но по дороге два ведра «усохли». Такая формулировка вызвала бурное веселье среди собравшихся.

Однако все эти весёлости и курьёзные виньетки, так же, как когда-то на лекциях профессора Покровского в университете, служат лишь выразительным обрамлением для вещей глубоких и серьёзных, на сторонний взгляд не таких ярких, как дельфин о четырёх ногах, но самых интересных для исследователя. Такова проблема крестьянской литературы и народного православия, «культуры молчаливого большинства», как назвал её выдающийся медиевист А.Я. Гуревич.

— Ак. Д.С. Лихачёв, говоря о нашей работе, подчёркивал, что, кроме этих находок, один из важнейших результатов — крестьянская старообрядческая литература XVIII—XX вв., ранее науке неизвестная. Когда мы разговорились об истории местного старообрядчества с игуменом нашего первого скита отцом Палладием, дважды арестовывавшимся и дважды совершавшим побег, в том числе с Дальнего Востока, с той самой пересылки, где кончили дни Осипа Мандельштама, он вдруг начал сыпать именами, фактами, о которых ни я, ни мой предшественник понятия не имели. К счастью, он не скрывал истоков своей осведомлённости, и в руках у него появилась маленькая книжечка в восьмёрочку в переплёте из оленьей кожи, исписанная чётким почерком — как потом оказалось, почерком игумена того монастыря, который занимался перепиской и даже ремонтом книг. В частности, тогда прозвучали два имени, выявились поразительные, совершенно авантюрные биографии. Это крестьянин Мирон Галанин, дважды арестовывавшийся: первый раз в начале 1740-х годов, при Елизавете, выпущенный при Екатерине, но далеко не сразу, а отсидев при ней ещё лет двенадцать или тринадцать, не раз возглавлявший массовые движения протеста крестьян в Зауралье, пользовавшийся огромным авторитетом у них. И вот там были его произведения, а также некоего холопа Максима, о котором мы тоже ничего не знали. Происхождением он был из каких-то «англинских татар» (не знаю, что это такое), был взят в плен, попал в холопы к некоему господину Зуеву, а потом, как осторожно выражается его биограф, некто Кривоспицкин, «отлучился от своего хозяина», несмотря на то, что хозяин был добр к нему — до конца жизни. Ему принадлежит очень интересное догматическое сочинение.

Николай Николаевич рассказал также об антологии полевой литературы, которую в позапрошлом веке составила для себя крестьянская семья Макаровых. В Новосибирске есть три тома, а четвёртый находится в Екатеринбурге, причём в нём представлена явно другая редакция памятника, а переписывался он как минимум два раза. Есть в нём привлекающие внимание исследователей материалы по истории старообрядческих согласий. Счёт пронумерованным выпискам идёт на многие тысячи.

— Вот что такое крестьянская письменность, — заключает Николай Николаевич и тут же рассказывает о дружбе с одним из самых талантливых крестьянских писателей — старообрядцем Афанасием Герасимовым, длившейся до конца жизни этого удивительного человека. Афанасий, среди прочего, знал способ обработки бересты, делавший её пригодной для письма (в Сибири бересту использовали в качестве писчего материала, хотя и не так, как в Великом Новгороде), и по просьбе учёных изготовил книжечку, которая открывается рассказом о его беседе со своим наставником, игуменом монастыря на Енисее о. Симеоне. Это богословский спор, за которым следует силлабический стих о разгроме монастыря отрядом НКВД в 1951 г., а далее — «Духовный крокворд», т.е. акrostих, адресованный некоей сестре Матроне.

Завершив рассказ о рукописях и крестьянской старообрядческой литературе, Николай Николаевич показал нам ещё и старопечатные книги, успев объяснить особенности типографских технологий в XVI—XVII вв., специфику православных книг, печатавшихся в Вильне, в типографии Мамоничей, и Острожской Библии 1581 г., вышедшей из-под печатного станка Ивана Фёдорова. В заключение публице была рассказана история о сборнике, содержащем полную версию судебного дела Максима Грека, и на мониторе ноутбука показаны слайды с копиями его страниц, поскольку сам сборник хранится в ГПНТБ — в 1968 г., когда его привезли, у института ещё не было своего хранилища.

Завораживающий рассказ о книгах и людях, с книгами связанных, длился полтора часа. Всё это время Николай Николаевич провёл на ногах.

Харизма лектора — от Бога. Талант учёного — тоже. Но колоссальная эрудиция, умение увидеть за сухими фактами источников реальных людей, услышать их голоса, показать их живыми и полнокровными — это даёт огромную работу. Когда-то некоторые из нас, включая и автора этих строк, думали, что профессор Покровский — тайный старообрядец. Ведь не могут же староверы, в Сибири живущие довольно закрыто, относиться с таким уважением к человеку стороннему, не к «своему», и идти с ним на контакт! Позже я поняла, что могут. Потому что за знаниями и умениями Николая Николаевича стоит труд. А труд в народе ценится высоко.

Редакция «НВС» желает Николаю Николаевичу Покровскому много светлых дней для совершения радостных трудов. Спасибо вам за ваш духовный подвиг. Многая лета!

О. Савельева, «НВС»
Фото Ю. Плотникова